

ТВОРЧЕСТВО И РЕФЛЕКСИЯ

Основной тезис этой статьи заключается в том, что феномены творчества и рефлексии — не раздельно существующие целостности, которые можно было бы как-то сопоставлять и связывать. Это скорее аспекты, гносеологически выделенные части особого единого целого. Каковы границы и структура этого предполагаемого единства — дальнейший вопрос; ориентиры в ответе на него как раз и должно дать рассмотрение нашей темы, состоящее из анализа творчества как рефлексии и — рефлексии как творчества. Ясно, что тождество, выявляемое при таком способе анализа, указывает не на редукцию того или иного феномена, а на некий третий член, собственно и образующий само чистое тождество. И в творчестве, и в рефлексии имеется множество смыслов, которые не входят в искомое тождество и оказываются несущественными в свете поставленной задачи.

И последнее предварительное замечание: кажется, что поставленная таким образом задача самозакнута, критерии ее решения расположены "внутри" самого процесса решения и будут всегда отвечать любому полученному результату. Это, видимо, действительно так.

1. Самые простые примеры показывают, что трактовка творчества как рефлексии является вполне оправданной. Художник-новатор, как правило, знакомый с предшествующими техниками и стилями рисунка или живописи, должен, работая в принципиально иной манере, рефлексивно представлять накопленный предшественниками опыт, а также самого себя с собственной манерой работы и отношением "себя" к "опыту". Аналогичным образом физик-теоретик должен каким-то образом "выходить" за пределы известных структур мышления, чтобы придумать нечто принципиально новое, и этот выход может обеспечить только рефлексия того же типа, что и обозначенная выше. В этике или религии также происходят очень похожие вещи.

Любопытно в этом контексте следующее. Для появления нового (поскольку не будем рассуждать о специальном механизме творения) вовсе не обязательно знать все предшествующее — все знания, умения или верования. Рефлексия может иметь своим отправным пунктом и не очень большой массив информации. Этот момент, кстати, имеет принципиальный характер. Сегодня, поскольку рефлексия все еще остается чисто психологическим явлением и также как следует не формализована (см. попытку формализации в [4]) а количество информации в самых узких областях знания далеко превосходит способности ее усвоения человеком, видимо, вообще невозможно говорить о какой-то "полной" рефлексии и в том смысле о "чистых" рефлексивных процессах. Структура этих процессов, впрочем, остается неизменной и не зависит от материала. Таким образом, при раздумывании и оценивании "нового" оказываются все более сложным делом. Рефлексия ограниченного массива информации вполне может оказаться частью какого-то другого массива информации. Впрочем, это тоже интересная вещь, которая очень часто дает "почти" творческие результаты: фактически, происходит перенесение предельно и понятный из одной сферы в другую. Известно, какие замечательные следствия имело взаимодействие математики и естествознания. Дифференциация наук не только разъединяет их, но и делает науки все более восприимчивыми к результатам в смежных, а затем и в удаленных областях, удивляющих Лейбницевым чуждакам. Само перенесение может даже образовывать совершенно новые отрасли знания, хотя оттенок пограничности, родимых пятен происхождения, в них все же остается (об физиках, физическая химия, физическая география, математическая экономика, кибернетика и др.).

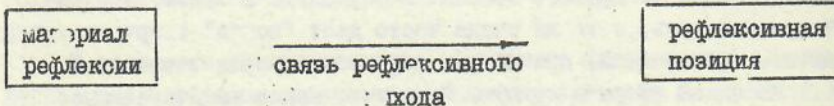
Надо сказать, что творчество, по-видимому, все больше будет возникать в контексте указанных процессов "взаимодействия" частей человеческого опыта. Однако может существовать, наверное, и "чистое" творчество, изобретение действительно совершенно нового, не бывшего еще в Космосе. В телологической традиции, как известно, активно обсуждался вопрос об абсолютном творении. Интересно, что способность вооружения связывалась со всеведением.

Думается, однако, что эта связь не является столь уж необходимой, гарантирующей явление нового. Собственно, гарантии нет как в случае, когда имеется полное знание, умение или чувство, так и тогда, когда их мало (любопытный случай их полного отсутствия и возможности рефлексии в такой ситуации мы пока не рассматриваем).

Следовательно, творение может и не зависеть от объема информации; и структура рефлексивного "выхода" вполне допускает такую интерпретацию. Мы имеем три возможности. 1) рефлексия приводит к уже имеющемуся "рядом" или "далеко" результату; 2) рефлексия ни к чему не приводит, оставаясь отображением известного; 3) рефлексия дает совершенно новое явление.

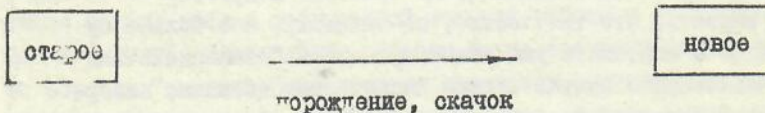
Предположим, что все здесь зависит от "качества" рефлексии.

Тем самым мы должны ввести дополнительное усложнение структуры рефлексии. Первоначальная схема предполагалась имеющей следующий вид.

Теперь нам следует говорить о двух качественно различных типах рефлексии: а) простой рефлексии; б) творческой рефлексии. Таким образом, мы переходим ко второй части рассмотренной темы: анализу рефлексии как творчества.

2. Творчество в известной степени можно представить следующей схемой:

Как можно видеть, она состоит из трех элементов, один из которых располагается между двумя другими и обозначается с помощью смысла слова "связь". Таким образом, имеется структурное сходство между схемой рефлексии и схемой творчества. (Есть и внутривидовые совпадения: "старое" частично совпадает с "материалом рефлексии", "порождение" - с "выходом"). Структурное сходство, однако, может ни о чем и не говорить, в конце концов - это сфера методологического произвола или же методологических традиций. Существеннее другое - в "творческой рефлексии" - если таковая имеется - мы видим наличие определенного разрыва с материалом. Возможно, в этом моменте разрыва старого и нового и заключена суть дела. Тогда новый смысл получает и связь порождения и рефлексивного выхода, а именно - смысл "разрыва".

Частично, следовательно, мы уже можем говорить о смысловом синтезе: "разрыв с материалом". Чтобы получить более полный синтез, который можно было бы уже членить на элементы нам не хватает малости: анализа ситуации сознания - когда оно вышло за пределы собственной направленности на материал, когда это уже не "сознание о", а нечто принципиально отличное от привычного образа интенционального сознания.

3. Мы пришли к некоторому синтезу, тождеству, смыслу - построили его в "контруктивном" ключе. Однако, как возможно сознание, которое не было бы "сознанием о"? Как возможно не-интенциональное сознание? Чтобы не создавалось впечатление, что здесь ненароком примешалась еще какая-то неспециализированная схема сознания, скажем то же самое иначе: как возможна рефлексивная позиция, не имеющая отнесенности к материалу, в основе которого она возникла? Рефлексивная способность как таковая? Внеопытная рефлексия? Формулировки вопроса здесь могут быть самые разные, однако все они парадоксальны, ибо ломают принятые понятийные конвенции. Следовательно, необходимо искать модели, которые были бы приемлемы и в то же время выражали нужные идеи.

Возьмем смысловую модель "понимающего сознания". От интенционального сознания она отличается тем, что предстает собой

не "сознание с", а "ознание в", характеризуется включенностью в отображаемый процесс.

Конечно, включенность эта - рефлексивная и она должна осуществляться на каком-то рефлексивном материале, а именно, на материале имитации. Имитационные игры дают хороший пример тому, что здесь имеется в виду. "Включенное" сознание, конечно, уже не является рефлексивным в собственном смысле слова, это реальность особого рода, подчиняющаяся не законам отображения, а специальным игровым законам. Итак, вполне определенно можно сказать, что синтез, который мы искали получает имя игры. Игра и лежит в основе двух ее аспектов - творчества и рефлексии. Соотношение сознания, называемое "творческой рефлексией", есть игровое сознание.

Что мы знаем об этом сознании? Почти ничего, хотя имеется уже богатый набор формализмов в так называемой математической теории игр, есть психологические исследования детских игр, этнологические наблюдения у животных (см. [2]). Пожалуй, в теоретическом плане "игрой" больше всего занималась философия. Начиная с романтиков и их оппозиции гегелевскому рационализму, тянется традиция противопоставлять деятельности "по правилам", "по правилам" совершенно иную ориентацию свободного обращения с предметами сознания. Отчасти это противопоставление было подхвачено Л.Фейербахом, но полнее оно реализовалось в философской герменевтике. "Включенная рефлексия" - это ведь и есть понимание, способность "жить" чужой жизнью, воспроизводить в себе иной мир с его иными законами. Материально воспроизвести, скажем, мир другой исторической эпохи невозможно, поэтому речь идет с мысленном, точнее, рефлексивном, воспроизведении - об имитации или игре.

Какова же структура игры, с точки зрения схем творчества и рефлексии? Если раньше мы могли говорить о структуре рефлексии и структуре творчества, то особенно заботясь о динамических характеристиках, поскольку элементы "рефлексивного выхода" и "порождения" создавали впечатление процессуальности в развертывании этих структур, то теперь необходимо непосредственно исходить из этого динамизма, по сути дела, строить структуру процесса.

Итак, первое - это "материал рефлексии", "старое", а в переформулированном виде - материальные условия игровой деятельности (предметы, правила, начальные условия и т.д.). Второе - рефлексивное представление этого материала в виде определенных "живых" процедур, заполнение ими пространства рефлексии. Проще говоря, одно дело, когда инструкция изложена на бумаге, а другое дело - живая оспособленность и готовность применить правила практически. Важно также, что эта оспособленность всегда неполна, в силу уже указанной рефлексивной недостаточности. Мера оспособленности, тем самым, оказывается и мерой применения творческих способностей, условием появления нового. Третье - это игра, с ее "творческими результатами". Творчество, впрочем, не есть результат, это - процесс, лишь его сегменты можно отделить от процесса, представляя их в отдельной же форме, и говорить о них как о результатах. Особенно очевидны "результаты" в знаковой деятельности (науке, искусстве), менее очевидны - в некоторых видах практической деятельности (этике, религии, образовании и т.п.).

Теперь можно попытаться применить изложенные идеи к какой-нибудь более близкой к жизни сфере.

Возможно, самые очевидные приложения у теории игры имеются в социальной области. Если мы примем, что и социальная рефлексия, и социальное творчество - лишь аспекты игры, то отсюда следуют незыблемые выводы для теории и практики нововведений. Что касается теории, то это, прежде всего, касается пересмысления представлений об объекте. Споры об объекте социальной теории ведутся давно. Главное в них - противопоставление принципиально различных подходов: типа естественнонаучного исследования общества, очерчивающего границы изучения историческим ("бывшим" и потому как бы застывшим) пространством и ставящим задачу нахождения законов движения каких-то исторических "тел" (нации, строй, культура и т.д.); и типа "деятельностного", закрывающего возможность для какой-либо теоретизации в отношении истории, поскольку объявляет, что нет ничего, кроме деятельности, и считает задачу нахождения законов по большей части малоосмысленной. Что требуется, с точки зрения деятельностного подхода, так это теория

(или методология) социального действия, т.е. отвечающие целям и идеалам средства их достижения в их оптимальном наборе. Теоретическая же позиция в этом случае невозможна, поскольку является просто одной из социальных позиций с претензией "научного" превосходства над другими позициями.

Теория игры, приложенная к социальной сфере, преодолевает эту противоположность. Недостаток описанных выше подходов в том, что они чужесчужды "философичны": происходит своего рода абсолютизация или естественноисторического процесса, или деятельности, а затем выводятся следствия, которые, конечно, начинают противоречить общепринятым представлениям или даже важным философским соображениям, не укладывающимся в дедукции из соответствующих абсолютов. "Игра", как представляется, снимает противоречия в самом подходе и в методологии, обеспечивая построение "онтологии" социальной теории.

Сама суть рефлексии, как известно, в том, что происходит своего рода "раздвоение" позиции. Согласно классическому представлению философии Нового времени, рефлексивный разум одновременно может двигаться и в собственных границах, и выходить за свои пределы, обозревая самого себя как бы со стороны. Несмотря на всю парадоксальность такого представления, именно оно позволяет преодолеть массу других, по крайней мере не менее существенных парадоксов естественнонаучного и деятельностного подходов.

Итак, что же такое объект для теории игры? (см. также 7; 8; 9; 10) -- Такой объект имеет сложную структуру: его внешний пояс образует само пребывание "в" ткани социума, тысячи нитей, связывающих нас с другими людьми, со знаками, структурами, процессами, природными образованиями и т.п. Мы сами представляем собой объект в этом широком и вполне оправданном смысле. Когда К.Маркс говорил, что суть человека в том, что он есть совокупность общественных отношений, то высказывал не фактуальное утверждение, а утверждение существования, относящееся к социальной онтологии. Теория социума становится возможной еще и потому, что мы сами являемся ее объектами: мы и наша деятельность -- наиболее близкий и непосредственный ее объект. Однако непосред-